

ДЖЕК
ЛОНДОН

СМОК Белью
СМОК и Малыш

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-31
ББК 84 (7Сое)-44
Л76

Серия «Зарубежная классика»

Перевод с английского Н. Галь, Л. и Н. Чуковских

Компьютерный дизайн А.И. Смирнова

Лондон, Джек.

Л76 Смок Беллью. Смок и Малыш : [сборник; пер. с англ.] / Джек Лондон. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 379, [5] с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-075074-0

Аляска. Земля Белого безмолвия, собачьих упряжек, золотых приисков Клондайка и состояний, которые легко наживаются и столь же легко теряются.

Земля, где приключения — порой веселые, но чаще смертельно опасные — давно уже стали обычной повседневной реальностью.

Именно там происходит действие превосходных, увлекательных циклов рассказов Джека Лондона «Смок Беллью» и «Смок и Малыш», главным героем которых является выходец из богатой аристократической семьи, отправившийся на Север в поисках приключений и ставший одним из самых лихих парней Аляски...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84 (7Сое)-44

© Перевод. Н. Галь, наследники, 2011
© Перевод. Л. и Н. Чуковские, наследники, 2011
© ООО «Издательство АСТ», 2017

СМОК БЕЛЛЮ

ВКУС МЯСА

I

Сначала он был Кристофер Беллью. В колледже он превратился в Криса Беллью. Позже, в кругах сан-францисской богемы, его прозвали Кит Беллью. А в конце концов он стал Смок Беллью, и иначе его уже не называли. История превращений его имени была историей его собственных превращений. Не будь у него любящей матери и железного дяди и не получи он письма от Джиллета Беллами — ничего бы не случилось.

«Я только что просмотрел номер «Волны», — писал Джиллет из Парижа. — Не сомневаюсь, что дело у О'Хара пойдет. Однако он еще не знает всех тонкостей ремесла. (Следовали советы, как улучшить молодой великосветский еженедельник.) Сходи в редакцию и поговори с О'Хара. Пусть он думает, что это твои собственные соображения, не поминай меня. А то он сделает меня своим парижским корреспондентом; мне же это очень невыгодно, потому что я сотрудничаю в больших

журналах, где по крайней мере деньги платят. Прежде всего внуши ему, чтобы он выгнал болвана, который дает ему критические заметки о живописи и о музыке. Кроме того, в Сан-Франциско всегда была своя литература, а теперь нет никакой. Скажи О'Хара, пусть постарается найти осла, который согласится регулярно поставлять для «Волны» серию рассказов — романтических, ярких, полных настоящего сан-францисского колорита».

Кит Беллью отправился в редакцию «Волны», чтобы честно выполнить все советы Джиллета. О'Хара выслушал. О'Хара стал спорить. О'Хара согласился. О'Хара выгнал болвана критика. А затем О'Хара проявил свой характер, тот самый, которого так боялся Джиллет, сидя в далеком Париже. Когда О'Хара чего-нибудь хотел, ни один приятель не мог ему отказать. Он был ласково и неотразимо настойчив. Кит Беллью, прежде чем успел вырваться из редакции, стал помощником редактора, дал согласие поставлять несколько столбцов рецензий, пока не найдется кто-нибудь взамен, связал себя обещанием давать в каждый номер рассказы по десять тысяч слов из жизни Сан-Франциско — и все это совершенно бесплатно. «Волна» еще не имеет возможности платить, объяснил О'Хара и с не меньшей настойчивостью заявил, что во всем Сан-Франциско есть только один человек, который способен написать такую серию рассказов, и этот единственный человек — Кит Беллью.

— А ведь ослом-то оказался я! — стонал Кит, спускаясь по узкой лестнице.

Так начал он работать на О'Хара и на ненасытные столбцы «Волны». Неделю за неделей просиживал он в редакционном кресле, выпроваживал кредиторов, ссо-

рился с наборщиками и при всем том умудрялся выжимать из себя для каждого номера по двадцать тысяч слов. Облегчения не предвиделось. «Волна» была честолюбива. Честолюбие заставляло ее выходить с иллюстрациями. Иллюстрации стоили дорого. Денег не хватало ни на уплату Киту Беллью, ни на привлечение новых сотрудников.

— Вот что значит быть добрым малым, — проворчал однажды Кит.

— Побольше бы таких! — со слезами на глазах воскликнул О'Хара, пылко пожимая руку Кита. — Ты мой спаситель, Кит. Только благодаря тебе я не прогорел. Еще немного, милый друг, и все наладится!

— Не верю, — уныло проговорил Кит. — Мне ясна моя судьба. Я обречен торчать здесь вечно.

Через несколько времени Кит придумал выход. Выбрав удобный момент, он в присутствии О'Хара потерял сознание и повалился в первое попавшееся кресло. Немного погодя он тяжело рухнул всем телом на письменный стол и судорожным движением рук опрокинул горшочек с клейстером.

— Поздно лег вчера? — осведомился О'Хара.

Кит старательно протер глаза и, прежде чем ответить, долго с недоумением оглядывался по сторонам.

— О нет, не в том дело. Глаза! Они словно выскакивают из головы.

С тех пор Кит каждый день натыкался на стены и опрокидывал редакционную мебель. Но сердце О'Хара не смягчилось.

— Вот что, Кит, — сказал он однажды. — Тебе необходимо показаться главному врачу. Пойди к Хасдэплу.

Шикарный доктор. Платить тебе не придется: мы напечатаем его объявление. Я с ним сам поговорю.

О'Хара сдержал слово, и Киту волей-неволей пришлось отправиться к врачу.

После длительного осмотра врач вынес такой приговор:

— Совершенно здоровые глаза! Исключительное зрение, замечательное. Таких глаз одна пара на миллион людей.

— Не говорите этого О'Хара! — взмолился Кит. — И пропишите мне, пожалуйста, темные очки.

Единственным результатом этой проделки было то, что О'Хара все время выражал Киту свое сочувствие и тотчас же восторженно заговаривал о прекрасном будущем, которое ждет их, когда «Волна» прочно станет на ноги.

К счастью, у Кита были средства. Сравнительно скромные, они все-таки давали ему возможность состоять членом нескольких клубов и снимать мастерскую в Латинском квартале. С тех пор как он сделался помощником редактора «Волны», его личные расходы значительно сократились. У него не было времени тратить деньги. Мастерскую он забросил и больше не угощал местную богему своими знаменитыми ужинами, состряпанными на жаровне. И все-таки у него вечно не было наличных денег. Незадачливая «Волна» дочиста опустошала не только его мозг, но и карманы. Иллюстраторы время от времени отказывались иллюстрировать, наборщики время от времени отказывались набирать, мальчишка-рассыльный время от времени требовал расчет. Взглянет в такую минуту О'Хара на Кита — и Кит заплатит все.

Когда пароход «Эксцельсиор», прибывший из Аляски, всполошил всю страну известием о клондайкской золотой лихорадке, Кит осмелился сделать О'Хара следующее легкомысленное предложение.

— Послушай, О'Хара, — сказал он. — Золотая лихорадка будет расти. Повторятся дни сорок девятого года. Отпусти меня в Клондайк — корреспондентом от «Волны»! Я поеду на свой счет.

О'Хара покачал головой:

— Мне без тебя не обойтись в редакции, Кит. Серия рассказов еще не закончена. Да, кроме того, я только что беседовал с Джексонном. Завтра он уезжает в Клондайк и согласился еженедельно присылать нам письма и снимки. Без этого я не отпустил бы его. И как удачно, что мы все получим совершенно бесплатно.

Вечером Киту удалось вырваться в клуб. Встретив в клубной читальне своего дядю, он снова услышал о Клондайке.

— Здравствуй, дядя! — воскликнул Кит, погружаясь в кожаное кресло и вытягивая ноги. — Присаживайся!

Кит заказал коктейль, а дядюшка удовлетворился местным водянистым красным вином, которое было его излюбленным напитком. Он неодобрительно глянул на бокал с коктейлем, потом перевел взгляд на лицо племянника. Кит почувствовал, что ему не миновать нахлобучки.

— Я тороплюсь, — поспешил он объяснить. — Мне надо еще успеть в галерею Эллери, на выставку Кейта, и накатать о ней по крайней мере полстолбца.

— Что с тобой? — спросил дядя. — Ты бледен. На тебе лица нет.

Кит вздохнул.

— Кажется, скоро я буду иметь удовольствие похоронить тебя, — продолжал дядя.

Кит уныло покачал головой:

— Не хочу беспокоить червей! Предпочитаю крематорий.

Джон Беллью принадлежал к тому старому, закаленному племени, которое в пятидесятых годах переправилось через прерию в повозках, запряженных волами. К суровому закалу, унаследованному им от предков, прибавился закал трудного, тревожного детства, прошедшего в пору освоения новой земли.

— Ты живешь не так, как надо, Кристофер. Мне стыдно за тебя.

— Мот и кутила, не так ли? — рассмеялся Кит.

Дядя пожал плечами.

— Не гляди на меня так уничтожающе, дядюшка, — сказал Кит. — Кутежи — вещь неплохая, но, к сожалению, ты ошибаешься. Я давно перестал кутить: у меня нет времени.

— В чем же дело?

— Работа замучила.

Джон Беллью расхохотался.

— Право?

Он опять рассмеялся.

— Человек — порождение окружающей среды, — изрек Кит, указывая на дядюшкин стакан. — Смех твой горек и жидок, как вино в твоём стакане.

— Работа замучила! — язвительно повторил дядюшка. — Да ты не заработал ни одного цента за всю свою жизнь.

— Нет, заработал, но не получил. Я зарабатываю пятьсот долларов в неделю и работаю за четверых.

— Картины, которых никто никогда не купит? Модные пустячки, безделушки... Плавать умеешь?

— Когда-то умел.

— А ездить верхом?

— Пробовал и это.

Джон Беллью негодуяще фыркнул.

— Я счастлив, что твой отец в могиле и не видит тебя во всем твоём бесстыдстве. Твой отец был с ног до головы мужчина, понимаешь? Настоящий мужчина! Он выбил бы из тебя всю твою музыкальную и рисовальную дурь!

— Что делать! Таков наш упадочный век! — вздохнул Кит.

— Если б был какой-нибудь толк ото всех твоих искусств, — сердито продолжал дядя, — ну, это я еще понимаю, это я еще мог бы стерпеть. Но ты за всю свою жизнь не заработал ни цента и не знаешь настоящего труда мужчины!

— Гравюры, картины, веера... — перечислил Кит.

— Ты пачкун и неудачник. Какие ты картины написал? Несколько мутных акварелей и кошмарных плакатов. И ни разу ничего не выставил, даже здесь, в Сан-Франциско.

— Одна моя картина висит в зале этого клуба.

— Мазня! А музыка? Твоя милая, но бестолковая мама тратила сотни на то, чтобы обучить тебя музыке. Но ты и тут осрамился. Ты даже пяти долларов не заработал, ну, хотя бы аккомпанируя кому-нибудь на концерте. Песенки твои? Дребедень, которую никто не

печатает и никто не поет, кроме бездельников, прикидывающихся богемой.

— Я выпустил книжку. Помнишь, томик сонетов? — робко возразил Кит.

— Во сколько он тебе обошелся?

— Сотни в две долларов, не больше.

— А еще у тебя какие заслуги?

— Одна моя пьеска ставилась как-то на открытой эстраде.

— И что ты получил за нее?

— Славу.

— А ведь ты когда-то умел плавать и пытался ездить верхом! — гневно воскликнул Джон Беллью, опуская бокал на стол с совершенно излишней стремительностью. — Скажи, ну куда ты годишься? Денег на твое воспитание не жалели, но даже в университете ты не играл в футбол. Ты не умеешь грести. Ты не умеешь...

— Я занимался фехтованием и боксом. Немного.

— Когда ты тренировался в последний раз?

— Да после университета забросил; считалось, что я прекрасно рассчитываю расстояние и время, но только...

— Продолжай.

— Меня называли свободным художником.

— Скажи прямо: лентяем.

— Да, это примерно то же самое — в деликатной форме.

— Мой отец, сэр, а ваш дед, старый Исаак Беллью, одним ударом кулака убил человека, когда ему было шестьдесят девять лет.

— Кому было шестьдесят девять лет? Убитому?

— Нет, деду твоему, никчемный ты бездельник! Ты в шестьдесят девять лет не сможешь убить и комара.

— Времена переменялись, дядюшка. В наше время за убийство сажают в тюрьму.

— Твой отец проскакал однажды сто восемьдесят пять миль без отдыха и насмерть загнал трех лошадей.

— Живи он в наши дни, он благополучно храпел бы всю дорогу в купе спального вагона.

Дядя чуть было не вышел из себя, но сдержал гнев и спокойно спросил:

— Сколько тебе лет?

— Да как будто бы мне...

— Знаю, двадцать семь. Двадцати двух лет ты окончил колледж. Мазал, бренчал, строчил и болтался без дела пять лет. Так скажи мне, ради Бога, куда ты годишься? В твои годы у меня была одна-единственная смена белья. Я пас стада в Колузе. Я был крепок, как камень, и мог спать на голом камне. Я питался вяленой говядиной и медвежьим мясом. Зато я гораздо крепче тебя. Ты вешишь около ста шестидесяти пяти фунтов, а я хоть сейчас могу положить тебя на обе лопатки и намять тебе бока.

— Для того чтобы опорожнить стакан коктейля или жидкого чая, не нужно быть силачом, — примирительно пробормотал Кит. — Неужели ты не понимаешь, дядюшка, что времена переменялись? И кроме того, меня неправильно воспитывали. Моя милая бестолковая мама...

Дядю передернуло.

— ...судя по твоим рассказам, слишком меня баловала: держала в вате и так далее. А если бы я мальчишкой принимал участие в тех достойных мужчины забавах, за которые ты так ратуешь, я был бы теперь другим